Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18082
EDN: IUVGJS

Какой литературой была «древнерусская литература»?

А. Н. Ужанков

Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского;
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева;
Сретенская Духовная Академия
(*г. Москва, Российская Федерация*)

e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблема изучения древнерусской словесности XI–XV вв., основанной русскими святыми и опирающейся, прежде всего, на Евангельское слово. Традиционно памятники древнерусской словесности воспринимаются как некие художественные тексты, которые исследуются так же, как и художественные произведения изящной светской литературы Нового времени. Однако древнерусские творения, написанные по благодати как откровение свыше, никогда не были «художественными сочинениями», сравнимыми с сочинениями русских классиков, и, стало быть, рассматривать их нужно по своим особым критериям. В статье перечислены коренные отличия произведений древнерусской словесности от литературных сочинений Нового времени. Смотреть на «древнерусскую литературу» как на некое собрание случайно сохранившихся «художественных текстов» ошибочно. Древнерусская словесность функционально связана с литургической жизнью Православной Церкви, дополняет ее и носит учительный характер. Основные ее темы — покаяние, спасение души, жертвенность и милосердие. Ее цель — преображение личности, восстановление утраченного божественного образа в человеке. По сути дела, древнерусская словесность XI–XII вв. — это наша средневековая святоотеческая литература, древнерусская патристика, а не занимательное чтение.

Ключевые слова: древнерусская литература, словесность, литературное произведение, мировоззрение, патристика, гомилетика, анализ, темы и идеи

Для цитирования: Ужанков А. Н. Какой литературой была «древнерусская литература»? // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 7–28. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18082. EDN: IUVGJS

© А. Н. Ужанков, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18082
EDN: IUVGJS

What Kind of Literature Was "Old Russian Literature"?

Alexander N. Uzhankov

K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management;
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;
Sretenskaya Theological Academy
(*Moscow, Russian Federation*)

e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Abstract. The article addresses the problem of studying Old Russian literature of the 11th–15th centuries, which was founded by Russian saints and relied primarily on the Gospel word. Traditionally, monuments of Old Russian literature are perceived as a kind of artistic texts, which are studied in the same way as the artistic works of the belles-lettres of the modern era. However, Old Russian works, written by grace as revelation from above, were never "artistic compositions" comparable to the works of Russian classics, and therefore they must be considered according to their own special criteria. The article enumerates the fundamental differences between the works of Old Russian literature and the literary works of the modern era. To view "Old Russian literature" as a kind of collection of accidentally preserved "artistic texts" is mistaken. Old Russian literature is functionally connected with the liturgical life of the Orthodox Church, complements it, and has a didactic character. Its main themes are repentance, the salvation of the soul, self-sacrifice, and mercy. Its goal is the transfiguration of the personality, the restoration of the lost divine image in man. In essence, Old Russian literature of the 11th–12th centuries is our medieval patristic literature, Old Russian patristics, and not entertaining reading.

Keywords: Old Russian literature, literature, slovesnost', literary work, worldview, patristics, homiletics, analysis, themes and ideas

For citation: Uzhankov A. N. What Kind of Literature Was "Old Russian Literature"? In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 7–28. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18082. EDN: IUVGJS (In Russ.)

В отечественном литературоведении, в выстроенной на сегодняшний день истории русской литературы можно наблюдать если не две несуразности, то, по крайней мере, две заметные странности.

Первая заключается в том, что религиозную по своей сути словесность Древней Руси механически объединили со светской литературой Нового времени, представляя все это как единый литературный процесс. И, соответственно, изучают древнерусские произведения как художественные сочинения с той же точки зрения, которая присуща литературоведам при изучении литературы светской.

На это механическое соединение двух типов литератур — духовной и светской обратил внимание еще в 1902 г. Н. Никольский: «…к истории изящной словесности за ее два недавних столетия (т. е., XVIII–XIX вв. — *А. У.*) прикрепляется спереди история церковной письменности за семь предшествующих веков, несмотря на то, что первая не была связана с последнею причинною зависимостью», при этом «дореформенная церковная письменность изучается с точки зрения историка позднейшей литературы» [Никольский: 2–3].

Исследователь указывает и на другую нелепость. Она возникает тогда, когда уже действительно появляется литература мирская (во второй половине XVII в.) и со второй четверти XVIII в. развивается художественная литература Нового времени — собственно, светская изящная словесность, беллетристика. Увлекаясь ее изучением, литературоведы совершенно забывают, что до и после реформы Петра I первой трети XVIII в. религиозная литература бытовала и продолжает бытовать в монастырях (творчество митр. Димитрия Ростовского †1709, свят. Тихона Задонского †1783, свят. Феофана Затворника †1894, Оптинских старцев и т. д.), однако ее исключали из литературного процесса и не рассматривали как литературное явление. Только в последнее время эта ситуация начала понемногу исправляться.

Н. Никольский еще раз подчеркнул, что «церковная письменность дореформенной эпохи не была связана *нераздельно* с послепетровскою изящною словесностью ни по задачам, ни по содержанию, ни по форме, ни по литературному стилю, ни по своей, так сказать, природе и потому должна иметь

в общей истории русской письменности свой отдельный круг самостоятельных задач разработки» [Никольский: 3].

Обозначенная ученым проблема остается нерешенной и спустя 125 лет.

В чем же кроется, по его мнению, коренное отличие двух типов русской литературы: древнерусской и Нового времени?

Разбирая по описям состав библиотек древнерусских монастырей, Н. Никольский выделяет три неравновеликие группы церковных книг.

1. *Богослужебные книги*, к которым относятся: псалтири, служебники, минеи, стихирари, октоихи, триоди, паремейники, часословы, уставы, требники, ирмологии — основа любого церковного и монастырского книгохранилища. Они были, что естественно, только переводными и самыми распространенными.

2. «Согласно с 19 правилом Пято-Шестого Вселенского Собора греческие типики, перешедшие на Русь, требовали, чтобы в церквах прочитывались разные назидательные творения отцов и учителей церкви. И уставы: студийский и (афонско-) иерусалимский отмечали даже самые книги и статьи, подлежавшие богослужебному прочтению» [Никольский: 6].

К этому второму разделу монастырской библиотечной книжности, определяемой уставными чтениями и носившей по практическому использованию именование *четьих книг*, относились: соборники (отличавшиеся от изборников), минеи-четьи, торжественники, прологи, златоустники, земные раи, пятидесятницы, учительные евангелия, толковые евангелия, патерики, толковые псалтыри, златоструи[1]. Как правило, и эта литература была переводной.

3. Однако типикон предусматривал в общежительных и скитских монастырях еще и *келейное чтение*. К келейным книгам, «внебогослужебного назидания и справочным»[2] можно отнести:

[1] См.: «Богослужебными и четьими книгами ограничивались потребности обычной соборной и церковной библиотеки» [Никольский: 6].

[2] См.: «Большая часть их состояла из нравоучительных сборников определенного наименования или из сборников, составлявшихся посредством выборки статей из четьей письменности или вообще из назидательных сочинений или из справочных статей с положительным содержанием» [Никольский: 7].

палеи, хронографы, летописи, измарагды, златые цепи, Изборник 1073 г. и др. А вот среди этих книг появляются уже и произведения древнерусских авторов, которые, собственно, и представляют древнерусскую словесность.

Опираясь на доступные ему статистические данные, Н. Никольский отмечает, что из известных на тот момент 708 пергаменных книг XI–XIV вв. к богослужебным относятся 470 (67%), к четьим — 218 (29%) и только 20 (3%) можно отнести на долю небогослужебных — келейных[3].

Последовал закономерный вывод исследователя, что рукописный состав монастырских библиотек допетровской Руси был продиктован «практическими потребностями церковно-монастырского быта, складывавшегося под воздействием Типикона, Кормчей и жизненных условий». Поэтому, как ему кажется, именно с церковно-исторической точки зрения «и следовало бы прежде всего оценить русскую книжность и литературную производительность древнего времени» [Никольский: 13]. А поскольку подобная оценка еще не проведена, то «для составления научной истории древнерусской литературы не наступило еще время» [Никольский: 32], так как она, по мнению исследователя, «не запаслась еще достаточными *материалами* для своего научного содержания и не получила своей надлежащей окраски» [Никольский: 23]. Только после того как будут изучены книжность и составы монастырских библиотек, формировавшихся «не под влиянием литературным, а под воздействием внешних условий быта», и «когда значение этой письменности будет достаточно освещено с точки зрения церковной истории, тогда только можно будет мечтать о тех обобщениях по истории древнерусской светской литературы, которые должны будут занять место вступительной главы к истории позднейшей изящной словесности», — замечает Н. Никольский [Никольский: 23].

Получается, под «древнерусской литературой» Н. Никольский подразумевал церковно-монастырскую книжность, допуская присутствие в ней и светской литературы.

[3] См.: «Очевидно, что рукописи монастырских и церковных библиотек отвечали практическим потребностям местных общин, а ничуть не служили зависимым отражением древнерусского литературного дела во всем его разностороннем объеме» [Никольский: 7].

В самом широком понимании литература (от латинских: littera — буква и litteratura — написанное) — это мысль, выраженная в слове и зафиксированная буквами. В таком случае, всю совокупность произведений Древней Руси (XI–XVII вв.) действительно можно назвать литературой. Однако в более узком смысле, начиная уже с Нового времени, под литературными произведениями понимают авторские художественные произведения как искусство слова и мысли — изящную словесность.

Что же тогда представляет собой «древнерусская литература» XI — первой трети XVII в.?

По мнению В. Н. Захарова, «"литература" — пожалуй, наименее удачное слово для определения той сферы духовной деятельности, которая в русской культуре названа этим словом. <…> Точнее было бы назвать славянскую, а потом и русскую письменность другим словом. Из всех слов лучше всего подходит не *литера* (литература), не *книга* (книжность), а само *слово*, причем *Слово* с большой буквы — его откровение было явлено Крещением Руси, обретением Евангелия, Слова Христова. На протяжении последних десяти веков у нас была не столько литература, сколько *христианская словесность*» [Захаров: 6].

Такое определение в полной мере подходит для древнерусской словесности XI — первой трети XVII в. и только отчасти к произведениям так называемого «переходного периода» 40-х годов XVII — первой трети XVIII в., а также к духовным одам XVIII в. В XIX в. под это определение подпадает, прежде всего, монастырская словесность.

В советское время (случается порою и сейчас) чуть ли не во всяком древнерусском творении стремились увидеть художественное литературное произведение[4], поэтому и оценивали его в соответствии с критериями оценки художественных произведений Нового времени как искусство слова. И всячески старались превратить древнерусскую словесность в художественную

[4] Кроме этого, Г. Подскальски отмечал: «Советское литературоведение было занято изучением древнерусской литературы почти исключительно в социально-критическом либо чисто филологическом аспектах (стилистика, лексика)» [Подскальски: 11].

литературу[5], равновеликую западноевропейской. Флагманом стало «Слово о полку Игореве», которое представляли и представляют сейчас как высокохудожественное *светское* литературное произведение и сравнивают его с французской «Песней о Роланде» или немецкой «Песней о Нибелунгах».

На самом же деле — это самое характерное для конца XII — начала XIII в. религиозное творение на мирскую тему. В нем не только содержится значительное количество библейской лексики и аллюзий, но и чувствуется сильное влияние «Книги пророка Иеремии»[6].

Можно назвать целый ряд характерных ошибок, встречающихся при анализе древнерусских произведений с позиции современного литературоведения. Чтобы не увеличивать объем статьи приведу всего один, но красноречивый пример.

Житийный ***канон*** сводили и сводят к типологии литературной формы, т. е. к композиции произведения, игнорируя смыслообразующее начало. Так, С. В. Полякова пишет: «Житийный *шаблон* (так! — *А. У.*) складывался из предисловия и краткого послесловия агиографа, обрамляющих собственно повествование, включавшее в себя следующие обязательные вехи: восхваление родины и родителей святого, чудесное предвозвещение его появления на свет, проявление святости в детском и юношеском возрасте, искушения, решительный поворот на путь духовного спасения, кончина и посмертные чудеса» [Полякова: 247]. Медиевистами уверенно ведется речь о «традиционной композиции жития»[7], т. е. жанрообразующим фактором воспринимают не смысл (тему) произведения, а его внешнюю

[5] Справедливо замечание В. Н. Захарова: «Если мы не будем учитывать этот факт (что у нас тысячелетняя христианская словесность. — *А. У.*) и будем искать, скажем, в словесности первых семи веков только "литературу" (или светскую, мирскую книжность), то в ее круг войдет узкий круг произведений, способных или к светскому, или к двойному, церковному и мирскому, бытию (например, Житие, История или Повесть об Александре Невском), а за ее пределами окажется огромная, к сожалению, и сейчас малоизученная, во многом разграбленная и утраченная за последние семьдесят лет высокая христианская словесность, создававшаяся в монастырях и хранившаяся в монастырских библиотеках» [Захаров: 6].

[6] См.: [Есаулов: 33–36], [Ужанков, 2019a, 2019b; 2020: 314–338; 2022b: 396–418].

[7] См. очерк О. В. Творогова в книге «История русской литературы X–XVII веков…» [Творогов: 101].

форму — структуру, что объясняется самим подходом к житиям как к ***литературным*** произведениям. «Ведь, несмотря на религиозный характер содержания, *агиография*, — замечает С. В. Полякова, — *прежде всего разновидность художественной прозы*, заступавшая место почти полностью отсутствующей в Византии *беллетристики*» (курсив наш. — *А. У.*) [Полякова: 245].

Если жития святых литературоведы воспринимают как *разновидность художественной прозы* (и даже как беллетристику!), тогда понятно, почему они пишут «о художественности» житий, «типизации идеального героя», «художественном вымысле» в житиях и т. д. и почему рассказы о чудесах, как правило, игнорируются, и не объясняется их смысловое присутствие в тексте жития святого. А ведь чудо как раз и свидетельствует о его святости — присутствии Бога в человеке, ибо человек сам по себе не может творить чудеса[8].

Можно сказать, что под житийным каноном воспринималась и воспринимается (увы, до сих пор) типология композиции, а не типология идеи.

Идея любого жития — отражение пути праведника в уподоблении Христу! Поэтому житийный канон опирается на десять ветхозаветных и девять новозаветных заповедей, впервые исполненных в міре Самим Спасителем. Их исполнили и первые русские святые — князья-страстотерпцы Борис и Глеб, уподобившись Христу[9]. Это пример благочестия, пример любому смертному для подражания.

[8] См.: [Ужанков, 2000, 2001]. В «Чтении о Борисе и Глебе» преп. Нестора «рассказы о чудесах являются органичной и обязательной частью жития. Житие и не может быть без описания чудес — свидетельств святости, в противном случае это будет просто жизнеописание князя…» (см.: [Ужанков, 2009а: 180] и др.).

[9] См.: [Ужанков, 2003: 271]. Через два года, и, по всей видимости, не зависимо от меня, подобные мысли высказала Т. Р. Руди: «Следует отметить, однако, что подражание Христу, в соответствии с нормами христианской этики, является основным принципом поведения — шире — целью жизни не только мучеников, но и святых вообще, а в конечном счете — и всех христиан. Источником этого важнейшего для христианской культуры феномена является, безусловно, Евангелие, в котором сам Христос неоднократно призывает своих учеников (и, таким образом, — христиан вообще) следовать за ним ("грядита по мне" (Мф. 4:19 и др. — *А. У.*)), что, безусловно, означает призыв не просто идти вслед за ним, но — понимая более широко — следовать ему, быть его последователями.

Как же называть эти тексты, выведенные гусиным пером на пергамене древнерусскими книжниками: *сочинения* ли? *произведения* ли? *творения* ли? или письменные *тексты* древнерусской словесности?

В чем заключалось древнерусское словесное искусство? И почему из-под пера древнерусских писателей (будем их так характеризовать, хотя сами они себя так не называли) появлялись *творения*, а не *сочинения*?

Следует отметить, что древнерусская литература зародилась в крещенской купели[10] с усвоения Нового Завета, любви к Псалтири и почитания трудов святых отцов христианской церкви. Отсюда и возникли две важнейшие ее темы: милосердие по Евангелию и покаяние по Псалтири. Отсюда формируется исповедальный характер и всей тысячелетней русской литературы. По Псалтири учились читать, и в ходе обучения выучивали ее почти наизусть, используя цитаты из нее как «крылатые выражения». Не случайно видим их обилие в «Поучении к детям» Владимира Мономаха, в котором киевский князь призывает к покаянию, молитве и милостыне как трем важнейшим средствам для спасения души…

Именно тема спасения вечной души человека как образа Божия стала генеральной (центральной, основной) для всей древнерусской словесности. Ведь не случайно первые русские писатели — митрополит Иларион Киевский, агиограф и летописец преподобный Нестор, Киево-Печерский игумен Феодосий, епископ Кирилл Туровский, князь Владимир Мономах и другие — обрели святость за свою праведную жизнь. Они явили пример благочестия не только в вышедших из-под их пера и написанных по благодати Божией творениях, но и сами

А потому мотив следования или уподобления, подражания Христу является общим (и основным — независимо от степени его выраженности в конкретном тексте) мотивом житийных памятников в целом — как жанра. Этим вызвано то обстоятельство, что топика *imitatio Christi* в различных ее вариантах является одним из самых существенных и наиболее распространенных элементов поэтики житий (а равно и служб) святых всех типов святости» [Руди: 69–70]; см. также: [Ужанков, 2022а: 81–88].

[10] См.: «Крещение дало идеал и предопределило содержание русской литературы, которое в своих существенных чертах оставалось неизменным в длительном процессе секуляризации и беллетризации того изначального духовного "зерна", из которого проросла русская литература» [Захаров: 6].

воплотили его на практике. То, о чем они писали, они и явили в качестве примера в своей жизни, укрепив тем самым силу слова, не расходящегося с делами.

Мировоззрение XI–XV вв. — христоцентрично, как и сама словесность[11], поэтому на человека смотрели как на образ Божий и деформацию этого образа под влиянием проявления свободы воли человека.

Древнерусская словесность нравоучительна и направлена на восстановление утерянного после грехопадения образа Божия в человеке. Она безымянна, ибо благодатна по восприятию и выражает соборное церковное начало.

Художественная литература Нового времени эгоцентрична (как и лежащее в ее основе мировоззрение XVIII–XXI вв.). Она ставит на первое место самого автора, его индивидуальное восприятие міра и своеобразное в*и*дение его; описание своих страстей и личного жизненного опыта. Художественное сочинение отражает степень таланта писателя, и этот принцип заложен литературоведами в оценку его произведения.

Анонимные древнерусские творения (которые могли быть дополнены или отредактированы позднейшим переписчиком) не претендуют на подобную оценку. Главная задача для древнерусских авторов — донести откровение, полученное ими по благодати свыше. Это не их мысли, не их идеи. Они сопряжены с Богом. Древнерусские авторы не занимались самовыражением! Их творения духовно соизмеримы с иконами и фресками.

Древнерусская словесность умна[12], т. е. духовна и боговдохновенна. Она и повествует о спасении души, соединяет читателя с миром горним.

Художественная литература разумна, душевна. Она исследует психологию героя в міре дольнем. Не случайно под художеством, не только в Древней Руси, но еще и в XIX в. подразумевали ремесло, то, что сделано руками (отсюда и «тупейный художник» — парикмахер). Художественная литература рукотворна — это плод фантазии и труда отдельного писателя.

[11] См.: [Ужанков, 2008: 159–224; 2009а: 101–181; 2011: 126–352].

[12] Ум в сознании древнерусских книжников воспринимался как главная часть души, которая управляет двумя другими частями — словом и духом, находится в сердце. Разум — это рассудок, интеллект, находится в голове (подробнее см.: [Ужанков, 2022а: 74–81]).

Древнерусская словесность конкретна. Она повествует о реальных людях и событиях, поступках, мыслях и чувствах. До XVI в. она не знала вымысла и в ней практически отсутствовало авторское начало.

Типизация и обобщения, опирающиеся на вымысел, появляются только с середины XVII в. — в переходный период от Средневековой православной словесности к первым росткам мирской литературы, когда «ум зашел за разум» и произошла секуляризация сознания (с 40-х годов XVII в.)[13].

В результате этого процесса и происходит отрыв художественной литературы от древнерусской словесности, что в итоге приводит к отказу от христоцентричности и повороту к европоцентризму. Европейскую литературу, опирающуюся на античные классические традиции, русские писатели возьмут за образец.

Под воздействием западноевропейских тенденций появляются мирские литературные жанры: вирши, басни, школьная драма, бытовые повести и авантюрные «романы». Они приземлили литературу.

Впервые создаются вымышленные художественные образы литературных героев в светских произведениях (Савва Грудцын, Фрол Скобеев). Лексика произведения и речь героев стремятся к разговорному (бытовому) языку[14].

Язык и его графика (устав и скоропись) становятся существенной границей между древнерусской словесностью, литературным языком которой был церковнославянский — язык божественной литургии (устав), и светской художественной литературой, язык которой вбирает в себя разговорную речь (скоропись).

В печатных книгах это выражается в переходе с церковнославянского шрифта на гражданский, впервые введенный Петром I именно для светской печати. После этого, собственно, и появляется понятие светской литературы, которое никак нельзя применять к произведениям древнерусской словесности, даже к «Слову о полку Игореве».

Петровские реформы жизненного уклада, обучение за границей, осуществление литературных переводов на родной

[13] См.: [Ужанков, 2008: 193–199, 482–512; 2009а: 95–96, 203–252].

[14] См.: [Кожинов: 189–219], [Чичерин: 10–81].

язык закрепляют эту тенденцию, после чего появляются и у нас авторские произведения, написанные с оглядкой на европейские литературные каноны — барокко (Симеон Полоцкий), неоклассицизм (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков), сентиментализм (Карамзин, Майков), романтизм (Жуковский, Пушкин) и т. д. Собственно, это и есть начало изящной светской русской литературы.

А в чем заключалось древнерусское словесное искусство?

Древнерусская словесность религиозна по своей сути, «носит по преимуществу богословский характер» [Мюллер: VII] и пребывает в тесной связи с церковной службой и православной жизнью членов церкви. Древнерусские произведения, как и фресковая роспись храма, дополняют церковную службу, составляют с ней единое целое. И церковно-служебные книги, и древнерусские творения написаны на сакральном церковнославянском языке — языке литургии, а потому могут быть прочитаны (читались и читаются до сих пор) в церкви. Жития русских святых Бориса и Глеба, преп. Феодосия Печерского, да, собственно, и весь «Киево-Печерский патерик» читался в храмах и монастырях. И «Слово о Законе и Благодати» было прочитано в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в канун Пасхальной службы 24 марта 1038 г. (подробнее см.: [Ужанков, 2014: 11–74]).

Художественные произведения, написанные профанным разговорным языком, в храмах не читаются.

Практически все жанры древнерусской словесности сопряжены в той или иной степени с церковной службой и книгами Священного Писания.

- Книгам «Бытия» и «Царств» соответствуют древнерусские летописные своды. «Повесть вр*е*менных лет» воспринималась как с*о*вестная книга древней Руси, в которой зафиксированы деяния древнерусских князей, за которые они дадут ответ на Страшном суде пред Богом, наделившем их этой властью [Ужанков, 1999].
- Библейским Книгам пророков соответствуют древнерусские исторические повествования. Самый красноречивый

пример — «Слово о полку Игореве», в основе своей имеющее «Книгу пророка Иеремии»[15].

- Евангелиям соответствуют жития святых, в том числе и древнерусских, которые уподобляются в своей земной жизни и духовным подвигам Христу.
- Проповедям Христа и апостолов — поучения преп. Феодосия Печерского, епископа Кирилла Туровского, епископа Серапиона Владимирского, киевских митрополитов Кирилла, Никифора, Петра и др.
- Апостольским посланиям — архиерейские послания князьям и духовным чадам.
- Жития святых составляли часть службы. Их краткие версии присутствуют в паремиях, читаемых в субботу. Развернутые жития необходимы для канонизации вместе со службой святому.
- Торжественные слова на двунадесятые праздники и «поучения» — это проповеди (гомилетика), произносимые в церкви.
- Послания духовным чадам сравнимы с посланиями апостолов чадам христианской церкви.
- Древнерусские летописи, в частности «Повесть вр*е*менных лет», — это древнерусские книги «Бытия», соотносимые с Библейскими книгами[16].

Оценка поступков древнерусских людей (прежде всего князей) осуществляется через призму Священного Писания и поэтому носит объективный характер, поскольку в описанных поступках нет ничего нового, о чем бы уже не было сказано в Библии[17]. В художественном произведении присутствует субъективная авторская оценка героя или, на худой конец, его типологический образ.

Цитаты из Библии (Псалтири или Евангелий) — это не просто приведенное авторитетное мнение, но и сопряженность настоящего с прошлым в их движении к будущему — Страшному

[15] См.: [Ужанков, 2009b, 2019a; 2022b: 396–418].

[16] См.: [Ужанков, 1999; 2022a: 19–52].

[17] См.: [Ужанков, 2019b].

суду. Не случайно служба в храме ведется в настоящем времени, ибо здесь и сейчас происходит со-участие с теми событиями, о которых читается в Евангелии и которые воспроизведены на фресках.

Все основные темы древнерусской словесности заданы в Евангелиях, чтения из которых осуществляются на каждой литургии. Эти чтения (отрывки из Евангелия) задают тему последующей за чтением Евангелия проповеди священника, которая будет произноситься в этот день во всех православных храмах. Отсюда, надо полагать, формируется учительный (проповедальный) характер всей древнерусской словесности.

Прежде всего, это тема любви («Любы творите», «Да любите друг друга» — «Повесть о Петре и Февронии»); выбор жизненного пути («Азъ есмь путь…»); сила веры («Веруйте Мне, яко отец во мне…»); «Пребудьте в любви моей» — исполнение заповедей; «Прославится Отец в Сыне» — преемственность спасительного делания (Владимир и Ярослав Мудрый — «Слово о Законе и Благодати»); притча о блудном сыне — «Слово о полку Игореве», «Повесть о горе-злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне» и т. д.

Древнерусская литература опирается на духовный опыт Евангелия. Оно послужило образцом для преобладающих в древнерусской словесности «повествовательных и учительных жанров, вплетающих духовное наставление в занимательный рассказ, увлекающий читателя в душеполезное чтение, пробуждая его любознательность» [Акентьев: XV–XVI].

Среди медиевистов стало уже расхожим мнение Д. С. Лихачева, что в центре древнерусской литературы стоит человек [Лихачев]. Утверждение верно только отчасти, поскольку в центре мировосприятия древнерусского книжника все же стоит Бог, о чем свидетельствует обратная перспектива икон, просуществовавшая до конца XV в.

Господь незримо пребывает в міре дольнем, но вокруг видны деяния Его. Так и в древнерусских творениях, написанных по благодати Божией, Бог присутствует незримо, но явственно пребывает Своим участием в жизни человека. И жития святых отражают проявление божественного промысла о праведнике.

Любой человек воспринимается древнерусским книжником как образ Божий, выстраивающий свой путь в жизнь вечную или же отринающий этот путь, пребывая во грехе. Об этом пишут все древнерусские писатели. Другое дело, что в поисках мірского начала в древнерусской литературе (лучше сказать — словесности) исследователи этого не замечали.

Чем древнерусская словесность связывается с литературой Нового времени? Своими темами. И главная из них, это, конечно, тема взаимоотношения Бога и человека. Точнее — человека и Бога. Человек в Новое время выходит на первое, центральное место в истории. Если в древнерусской словесности человек идет к Богу, и писателями создается идеальный образ — святого, то в русской классической литературе человек идет или к Богу, или от Бога, проявляя свою волю и свободу выбора. В русской классике представлен только положительный (даже «положительно прекрасный») герой, но далекий от идеального. А вот отрицательный герой, который осознанно нарушает все заповеди христианской морали, выписан идеально.

На мое утверждение, что авторами древнерусской словесности были святые, которые и создали идеальные образы древнерусской словесности — тоже святых [Ужанков, 2017], И. А. Есаулов в устных размышлениях на презентации своих книг заметил, что авторами русской литературы XIX в. были грешники. Я бы уточнил — кающиеся грешники, которые тоже памятуют о Боге! Они все же оказались способными создать положительные образы литературных героев, однако не идеальные, как образы святых в житиях. Это наблюдается и в русской религиозной живописи XIX в.: есть на художественных полотнах изображения Христа, но это не иконописный Его Образ. На картину молиться не станешь и не повесишь ее в храме. Она не одухотворена благодатью, хотя в художественном плане может быть и совершенной.

В русской литературе XIX в. нет идеальных литературных персонажей[18], поскольку духовно не идеальны сами писатели, но им удается создать идеальные отрицательные образы, такие, как, например, Григорий Александрович Печорин или

[18] Некоторые доходили до того, что отказывали русской литературе даже в «положительных типах» (см.: [Ухтомский: 350–351]).

Иудушка Головлев. Если древнерусский святой идет путем Христа и исполняет, как и Сам Спаситель, девятнадцать заповедей, то Печорин осознанно нарушает все девятнадцать заповедей! Такие литературные герои не способны к преображению, а потому, что характерно, умирают в пути или на дороге, что одно и то же. А куда и к кому они шли? Не известно. В отличие от них, все праведники стремятся к Богу, а святые пребывают в вечном покое со своим Творцом!

Кающимися грешниками ощущали себя и древнерусские праведники (в том числе и средневековые писатели), потому и прославлены Богом, а не людьми, которыми часто бывали поругаемы. Человечеством прославляются уже авторы XIX–XXI вв., ищущие славу земную, а не небесную, как это было в Древней Руси.

Подведу итог сказанному, чтобы ответить на поставленный в названии статьи вопрос.

То, что мы обозначаем термином «древнерусская литература», на самом деле — древнерусская патристика, придерживающаяся древнейшей христианской святоотеческой традиции. Святые отцы выступали (и до сих пор выступают!) учителями Церкви. В древнерусской патристике, как и в святоотеческом Предании, доминирует гомилетика, и в подавляющем своем жанровом составе, ориентирующемся на Священное Писание (от проповедей до житий и даже летописей), древнерусская словесность носит учительный характер.

Можно ли изучать ее с филологической точки зрения? Можно, конечно. До сих пор ее так и изучали, но такой подход выглядит однобоким и не способен выявить христианскую природу этой словесности. Логичнее было бы изучать ее с религиозной точки зрения.

Согласимся с мнением К. К. Акентьева, что, «поскольку древнерусская литература была литературой церковной по самому своему существу, прежде всего выполняя роль носительницы Церковного Предания, поскольку постоянное воспроизведение этой литературы, переписывание и перечитывание важнейших ее памятников, представляло собой неотъемлемую составную часть церковной жизни, богослужебной и аскетической практики, — постольку очевидно, что именно религиозная

проблематика этой литературы и должна находиться в центре внимания ее исследователя»; «…невнимание к самому религиозному сознанию, воплотившемуся в этой литературе, неизбежно превращает ее в безжизненную коллекцию "текстов", написанных "на мертвом языке", отвлеченных филологическим анализом от их подлинного содержания и представляющих, по существу, лишь антикварный интерес, хотя и облекаемый порой в замысловатую наукообразную фразеологию» [Акентьев: XIII].

Однако нельзя впадать и в другую крайность. Герхард Подскальски пытался рассмотреть в древнерусской литературе чисто богословский характер, но ему все же пришлось признать, что сугубо богословских трудов, догматического или экзегетического характера, в древнерусской словесности XI–XIII вв. еще не было. Они появятся позднее.

Так что же она собой представляет?

Древнерусская словесность XI–XV вв. (а частично и XVI–XVII вв.) была по своему характеру религиозной, христоцентричной, писалась святыми и православными праведниками не для самовыражения и не по собственному разумению, а по Благодати Божией. Это была, по своей сути, святоотеческая литература — патристика и гомилетика, и изучать ее следует именно с этих христианских позиций, обращая внимание на ее религиозные темы и идеи, исходя из понимания ее основного предназначения — вести ко спасению души.

Список литературы

1. Акентьев К. К. От издателя // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. СПб.: Византинороссика, 1996. С. XIII–XX. (Сер.: Subsidia Byzantinorossica; т. 1.)
2. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. 287 с. EDN: ZHEFPF
3. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (10.07.2026). EDN: RUYJPT
4. Кожинов В. В. Происхождение романа: теоретически-исторический очерк. М. Сов. писатель, 1963. 440 с.
5. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. [2-е изд.]. М.: Наука, 1970. 180 с. EDN: VQOIFF

6. Мюллер Л. Вступительное слово // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. СПб.: Византинороссика, 1996. С. VII–VIII. (Сер.: Subsidia Byzantinorossica; т. 1.)
7. Никольский Н. К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб.: О-во любителей древней письменности, 1902. 32 с. (Сер.: Памятники древней письменности и искусства; т. 147.)
8. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. 2-е изд., испр. и доп. для рус. перевода. СПб.: Византинороссика, 1996. 572 с. (Сер.: Subsidia Byzantinorossica; т. 1.)
9. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды / изд. подгот. С. В. Полякова. М.: Ладомир, 1994. С. 245–273.
10. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101. EDN: LOCXPE
11. Творогов О. В. Литература XI — начала XIII в. // История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980. С. 34–141.
12. Ужанков А. Н. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. 1999. № 4. С. 138–177 [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/5194.html (10.07.2026). EDN: UIEXQX
13. Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 28–50 [Электронный ресурс]. URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_2_3.pdf (10.07.2026). EDN: YOJEQM
14. Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий (окончание) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 37–49 [Электронный ресурс]. URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_3_5.pdf (10.07.2026). EDN: JBYOXO
15. Ужанков А. Н. Русская литература XI–XVI вв. Мировоззренческий аспект // История культур славянских народов: в 3 т. М.: ГАСК, 2003. Т. 1: Древность и Средневековье. С. 252–296.
16. Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. 528 с. EDN: QUHDRV
17. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII в.: стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 264 с. (Сер.: Studia Philologica.) EDN: SUQJKL (a)
18. Ужанков А. Н. Поход 1185 г. Игоря Святославича на половцев в контексте Священного Писания и древнерусского предания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 64–71 [Электронный ресурс]. URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/2009_2/part7.pdf (10.07.2026). EDN: KKNCOF (b)

19. Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2011. 512 с. EDN: TOBFCD
20. Ужанков А. Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2014. 350 с. EDN: ZALSTL
21. Ужанков А. Н. Древнерусская словесность в мировом контексте // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 43–74. EDN: DCHRTL
22. Ужанков А. Н. Библейское влияние на «Слово о полку Игореве» // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2019. № 9–10. С. 236–312 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53839824_45617349.pdf (10.07.2026). EDN: ZDRWIA (a)
23. Ужанков А. Н. Рецепция притчи о блудном сыне в «Слове о полку Игореве» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 98–110 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42354761_90486886.pdf (10.07.2026). DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00093. EDN: YRIIRR (b)
24. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. 488 с. EDN: CVNPGA
25. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с. (a)
26. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве»: историко-филологическое исследование. М.: ЯСК, 2022. 744 с. (Сер.: Studia Philologica.) (b)
27. Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петерб. писатель, 1996. 526 с.
28. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: повествовательная проза и лирика. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1985. 447 с.

References

1. Akent'ev K. K. From the Publisher. In: *Podskal'ski G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.)* [*Podskalsky G. Christianity and Theological Literature in Kievan Rus' (988–1237)*]. 2nd ed., revised and supplemented for the Russian translation. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996, pp. XIII–XX. (Ser.: Subsidia Byzantinorossica; vol. 1.) (In Russ.)
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 c. EDN: ZHEFPF (In Russ.)
3. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (accessed on July 10, 2026). EDN: RUYJPT (In Russ.)

4. Kozhinov V. V. *Proiskhozhdenie romana: teoreticheski-istoricheskiy ocherk* [*The Origin of the Novel: A Theoretical and Historical Essay*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 440 p. (In Russ.)
5. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [*Man in the Literature of Ancient Rus'*]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1970. 180 p. EDN: VQOIFF (In Russ.)
6. Muller L. Introductory Word. In: *Podskal'ski G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.)* [*Podskalsky G. Christianity and Theological Literature in Kievan Rus' (988–1237)*]. 2nd ed., revised and supplemented for the Russian translation. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996, pp. VII–VIII. (Ser.: Subsidia Byzantinorossica; vol. 1.) (In Russ.)
7. Nikol'skiy N. K. *Blizhayshie zadachi izucheniya drevne-russkoy knizhnosti* [*The Immediate Tasks of Studying Old Russian Book Literature*]. St. Petersburg, Obshchestvo lyubiteley drevney pis'mennosti Publ., 1902. 32 p. (Ser.: Monuments of Ancient Writing and Art; vol. 147.) (In Russ.)
8. Podskal'ski G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.)* [*Podskalsky G. Christianity and Theological Literature in Kievan Rus' (988–1237)*]. 2nd ed., revised and supplemented for the Russian translation. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996, 572 p. (Ser.: Subsidia Byzantinorossica; vol. 1.) (In Russ.)
9. Polyakova S. V. Byzantine Legends as a Literary Phenomenon. In: *Vizantiyskie legendy* [*Byzantine Legends*]. Moscow, Ladomir Publ., 1994, pp. 245–273. (In Russ.)
10. Rudi T. R. Topics of Russian Lives of Saints (Typological Issues). In: *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [*Russian Hagiography. Researches. Publications. Controversy*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, pp. 59–101. EDN: LOCXPE (In Russ.)
11. Tvorogov O. V. Literature of the 11th — Early 13th Centuries. In: *Istoriya russkoy literatury X–XVII vekov* [*History of Russian Literature of the 10th — 17th Centuries*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980, pp. 34–141. (In Russ.)
12. Uzhankov A. N. "Books of Conscience" of Ancient Rus' (Russian Chronicles and the Last Judgment). In: *Rossiya XXI* [*Russia XXI*], 1999, no. 4, pp. 138–177. Available at: https://pravoslavie.ru/5194.html (accessed on July 10, 2026). EDN: UIEXQX (In Russ.)
13. Uzhankov A. N. The Holy Passion-Bearers Boris and Gleb: Towards a History of Canonization and Writing of the Lives of the Saints. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2000, no. 2 (2), pp. 28–50. Available at: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_2_3.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: YOJEQM (In Russ.)
14. Uzhankov A. N. The Holy Passion-Bearers Boris and Gleb: Towards a History of Canonization and Writing of the Lives of the Saints (Ending). In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2001, no. 1 (3), pp. 37–49. Available at: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_3_5.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: JBYOXO (In Russ.)
15. Uzhankov A. N. Russian Literature of the 11th — 16th Centuries. Ideological Aspect. In: *Istoriya kul'tur slavyanskikh narodov: v 3 tomakh* [*History*

of the Cultures of the Slavic Peoples: in 3 Vols]. Moscow, The State Academy of Slavic Culture Publ., 2003, vol. 1: Antiquity and the Middle Ages, pp. 252–296. (In Russ.)
16. Uzhankov A. N. *Stadial'noe razvitie russkoy literatury XI — pervoy treti XVIII v. Teoriya literaturnykh formatsiy* [*Stadial Development of Russian Literature from the 11th to the First Third of the 18th Century. The Theory of Literary Formations*]. Moscow, The Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2008. 528 p. EDN: QUHDRV (In Russ.)
17. Uzhankov A. N. *O spetsifike razvitiya russkoy literatury XI — pervoy treti XVIII v.*: *stadii i formatsii* [*On the Specifics of the Development of Russian Literature from the 11th to the First Third of the 18th Century*: *Stages and Formations*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009. 264 p. (Ser.: Studia Philologica.) EDN: SUQJKL (In Russ.) (a)
18. Uzhankov A. N. Igor Svyatoslavovich Campaign Against Polovtsy of 1185 in Scripture and Old Russian Legend Context. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2009, no. 2 (36), pp. 64–71. Available at: https://www.drevnyaya.ru/vyp/2009_2/part7.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: KKNCOF (In Russ.) (b)
19. Uzhankov A. N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoy slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsiy* [*Historical Poetics of Old Russian Literature. Genesis of Literary Formations*]. Moscow, The Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2011. 512 p. EDN: TOBFCD (In Russ.)
20. Uzhankov A. N. *"Slovo o Zakone i Blagodati" i drugie tvoreniya mitropolita Ilariona Kievskogo* [*"A Sermon on Law and Grace" and Other Works of Metropolitan Hilarion of Kyiv*]. Moscow, Akademika Publ., 2014. 350 p. EDN: ZALSTL (In Russ.)
21. Uzhankov A. N. Old Russian Literature in the World Context. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste* [*Russian Classical Literature in the World Cultural and Historical Context*]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 43–74. EDN: DCHRTL (In Russ.)
22. Uzhankov A. N. Biblical Influence on "The Tale of Igor's Campaign". In: *Nauchnye trudy prepodavateley Sretenskoy dukhovnoy seminarii* [*Scientific Works of Teachers of the Sretensky Theological Seminary*], 2019, no. 9–10, pp. 236–312. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53839824_45617349.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: ZDRWIA (In Russ.) (a)
23. Uzhankov A. N. The Reception of the Parable of the Prodigal Son in "The Tale of Igor's Campaign". In: *Novyy filologicheskiy vestnik* [*The New Philological Bulletin*], 2019, no. 4 (51), pp. 98–110. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42354761_90486886.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00093. EDN: YRIIRR (In Russ.) (b)
24. Uzhankov A. N. *"Slovo o polku Igoreve" i ego avtor* [*"The Tale of Igor's Campaign" and Its Author*]. Moscow, Soglasie Publ., 2020. 488 p. EDN: CVNPGA (In Russ.)
25. Uzhankov A. N. *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [*The Worldview of an Old Russian Scribe. Categories*

of Russian Medieval Culture]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2022. 212 p. (In Russ.) (a)
26. Uzhankov A. N. *"Slovo o polku Igoreve": istoriko-filologicheskoe issledovanie* ["*The Tale of Igor's Campaign*": *A Historical and Philological Research*]. Moscow, YASK Publ., 2022. 744 p. (Ser.: Studia Philologica.) (In Russ.) (b)
27. Ukhtomskiy A. A. *Intuitsiya sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [*Intuition of Conscience. Letters. Notebooks. Notes in the Margins*]. St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel' Publ., 1996. 526 p. (In Russ.)
28. Chicherin A. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya: povestvovatel'naya proza i lirika* [*Essays on the History of Russian Literary Style: Narrative Prose and Lyrics*]. 2nd ed., supplemented. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 447 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, советник ректората и профессор кафедры литературы, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ул. Земляной Вал, 73, г. Москва, Российская Федерация, 109004); руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (ул. Космонавтов, 2, г. Москва, Российская Федерация, 129366); профессор, Сретенская Духовная Академия (ул. Большая Лубянка, 19, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 107031); ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9883-2074; e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru.

Alexander N. Uzhankov, PhD (Philology), Professor, Adviser to the Rector's Office and Professor of the Literature Department, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (ul. Zemlyanoy Val 73, Moscow, 109004, Russian Federation); Director of the Fundamental Researches Centre of Russian Medieval Culture, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (ul. Kosmonavtov 2, Moscow, 129366, Russian Federation); Professor, Sretenskaya Theological Academy (ul. Bol'shaya Lubyanka 19/3, Moscow, 107031, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9883-2074; e-mail: a.n.uzhankov@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.07.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.09.2026
Принята к публикации / Accepted 20.09.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026